

Владимир Николаевич СУКАЧЕВ (1880–1967)

Владимир Николаевич Сукачев родился 7 июня 1880 года в селе Александровская Харьковской губернии. Жизненный путь этого человека поражает размахом и объемом научной, педагогической и общественно-организационной деятельности. Справедливо пишут его соратники Е.М. Лавренко и В.Д. Александровна (1975): «просто не верится, что всю эту огромную работу мог выполнить один человек». По широте взглядов и по результатам его деятельности Владимир Николаевич по праву можно сравнить с выдающимися учеными эпохи возрождения. Стоит только вспомнить, что он был основоположником ряда научных дисциплин и направлений в ботанике, в географии, в почвоведении, в геологии, в учении о биосфере, создателем и руководителем многих научно-исследовательских учреждений, кафедр, экспедиций. Кроме того, был неутомимым путешественником и полевым исследователем.

У лесоводов Владимир Николаевич – признанный глава школы дендрологов, создатель лесной типологии и лесной биогеоценологии. Для геологов он – авторитет в вопросах определения возраста четвертичных отложений и реконструкции ландшафтов плейстоцена. Владимир Николаевич Сукачев обосновал научное болотоведение и впервые разработал методику определения возраста торфяных и сапропелевых отложений. Почвоведы высоко ценят введенное им биогеоценологическое понимание почвы, а его определение, что почва в своих признаках и свойствах отражает развитие и эволюцию биоценозов, оказало огромное влияние на выявление роли растительности в почвообразовании и эволюции почв. Генетики и селекционеры связывают с именем В.Н. Сукачев развитие исследований по селекции в лесоводстве. Его научные труды были посвящены не частным вопросам, а отражали концептуальные проблемы и послужили толчком к развитию новых направлений в исследованиях.

В.Н. Сукачев был выдающимся общественным деятелем, организатором науки и педагогом. Он являлся профессором и заведовал кафедрами в Ленинградской лесотехнической академии и в Московском лесотехническом институте, в Ленинградском и Московском университетах, руководил отделом геоботаники Ботанического института АН СССР, был директором Института леса АН СССР в Москве и Красноярске.

Организованную им кафедру геоботаники на биологическом факультете Ленинградского университета В.Н. Сукачев возглавлял с 1931 по 1941 г. В этот период к работе на кафедре были привлечены самые крупные научные авторитеты: курс Луговое чтение читал А.П. Шенников, Растительность тундровой зоны – Б.Н. Городков и В.Б. Сочава, Растительность аридных областей – Р.И. Аболин и Е.М. Лавренко, Болотоведение – И.Д. Богдановская-Гиенезеф, Экологию растений – Г.И. Поплавская. Сам Владимир Николаевич читал курс общей геоботаники, проводил спецсеминары по истории геоботаники и непосредственно руководил летней практикой. К студентам относился с большим уважением, ко всем обращался по имени и отчеству, тем самым, способствуя развитию в них ответственности взрослых людей.

Будучи руководителем кафедры, В.Н. Сукачев всемерно поддерживал развитие исследовательской деятельности, вовлекая в нее всех сотрудников, аспирантов и студентов. Основными направлениями научных работ в этот период были:

- региональные экспедиционные изыскания, направленные на изучение разнообразия и закономерностей размещения растительных сообществ;
- стационарные, многолетние исследования сообществ на научно-исследовательской станции «Лес на Ворскле» в Белгородской области (с 1934 г.), где были разработаны принципы описания постоянных пробных площадей и заложены основы мониторинговых исследований;
- экспериментальные фитоценологические исследования взаимоотношений между растениями отчасти в «Лесу на Ворскле», но главным образом в лаборатории геоботаники Петергофского биологического института, организованной В.Н. Сукачевым в том же 1934 г.;
- изучение в естественных и искусственных (в питомниках) условиях биологических и экологических особенностей видов, без знания которых невозможно понять их ценологическую роль в фитоценозах.

Главной особенностью руководимых им исследований являлся их комплексный характер. Профессор Сукачев привлекал к совместной работе зоологов, микробиологов, альгологов, энтомологов, микологов и почвоведов. Он писал впоследствии, что идеи о биогеоценозе как особом природном объекте и о необходимости выделения особой науки биогеоценологии сформировались у него именно в этот период в частности во время комплексных исследований в «Лесу на Ворскле».

Во время работы на кафедре В.Н. Сукачевым были организованы экспедиции в Казахстан (1932 г.),

в Орловскую область (1933 г.), в Крым (1934 г.), на Алтай (с 1935 по 1940 гг.), в Центральный Тянь-Шань (1936 и 1938 гг.), на Северный Кавказ (1940 и 1941 гг.). В стационаре «Лес на Ворскле» под его руководством проводились разработки принципов интродукции, акклиматизации, селекции древесных растений и основы организации лесозащитных полос. На основании собранных материалов было защищено несколько десятков дипломных работ, более десяти кандидатских и три докторские диссертации.

В эти годы Владимир Николаевич Сукачев опубликовал ставшие в дальнейшем классическими учебно-научные пособия: «Дендрология с основами лесной геоботаники», «Общая методика геоботанических исследований», «История развития растительности СССР во время плейстоцена», было переиздано «Руководство к исследованию типов леса», получившее широкую популярность как первое практическое пособие по изучению и типологии лесов на строго научной основе.

Владимир Николаевич Сукачев еще при жизни завоевал высочайшее уважение к себе и к своей неутомимой деятельности. Он был избран действительным членом АН СССР, награжден тремя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета». Ко дню 85-летия В.Н. Сукачеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Тиходеева М.Ю.

Роль В.Н. Сукачев в организации охраны природы на Самарской Луке

«Если живописность Жигулевских гор хорошо известна широкой публике, если она воспета и народом и поэтами, то о высоком научном интересе этой местности знают только специалисты».

В.Н. Сукачев

Самарская Лука – уникальный природный объект, животный мир, растительный и почвенный покров которого отличаются богатством и своеобразием. В обосновании необходимости охраны природы Самарской Луки, в частности – Жигулей, огромную роль сыграл В.Н. Сукачев (1880-1967), посетивший эти места в 1908 г. вместе со слушателями Санкт-Петербургских сельскохозяйственных курсов (среди которых, кстати, был Р.И. Аболин). Находясь под глубоким впечатлением от природы Жигулей, В.Н. Сукачев писал: «устройство заповедника в Жигулях должно сохранить для изучения будущими поколениями те чудные леса, которые нависли по склонам над Волгой и которые, главным образом, придают прелесть этим местам. Необходимо защитить от вытаптывания и вытравливания степные участки и каменистые склоны, так заинтриговавшие своей флорой экскурсанта-исследователя... Кому приходилось побывать в Жигулях, не может не согласиться, что в этом отношении вряд ли какая-либо местность в Средней России может сравниться с Жигулями». Далее Владимир Николаевич продолжал: «Вырубки лесов, вытаптывание склонов, эксплуатация известняка на склонах – все это содействует уничтожению естественных растительных ассоциаций и обеднению флоры... Поэтому настоятельно необходимым является сохранение природы этого уголка России, защита его от неразумной и недалеконзидной деятельности человека и создание из Жигулей заповедника...».

Результатом поездок В.Н. Сукачева на Самарскую Луку стала публикация «Об охране природы Жигулей // Зап. Симбир. Обл. естеств.-ист.музея. 1914. Вып. 2. с. 35–41», в которой было подчеркнуто, что природа Жигулей уникальна, для них характерно сочетание самых разнообразных типов зональной растительности, в связи с чем объект очень важен для изучения процессов становления флоры на контакте степной и лесостепной зон, а также в плане изучения рефугиумов древней флоры. Примерно в это же время в Жигулях проводил свои исследования казанский ботаник и почвовед Р.В. Ризположенский, геолог М.Э. Ноинский, а чуть ранее С.И. Коржинский, А.Ф. Флеров, также отметившие своеобразие природы Самарской Луки.

Программная статья В.Н. Сукачева «Об охране природы Жигулей» до сегодняшнего дня актуальна и является обоснованием для организации и научной деятельности заповедников России. Важнейшие направления деятельности, по В.Н. Сукачеву, заключаются в следующем: 1. Составление сводки всего того, что уже известно из литературы о растительности Жигулей. Из этого ясно будет, в каких местах особенно потребуется дополнительное обследование; 2. Обстоятельное ботанико-географическое обследование всех Жигулей и составление подробной карты растительности; 3. На основании этого – выбор участка или участков, которые будут предназначены для охраны их природы, и организация этой охраны; 4. Детальное исследование выделенных участков и описание их во всех отношениях, особенно же в почвенном, ботаническом и зоологическом.

Воплощение плана В.Н. Сукачева мы находим в организации на Самарской Луке Жигулевского заповедника (1927 г.), национального парка Самарская Лука (1984 г.) и Средне-Волжского комплексного биосферного резервата (2006 г.).

Насегодняшний день можно говорить о более-менее полном исполнении пунктов программы В.Н. Сукачева.

В последнее время на территории Самарской Луки получили широкое развитие почвенно-ботанические исследования. Новые материалы по генезису и составу почв, видовому составу и особенностям экологии, распространения отдельных растений и растительных сообществ, сложению и динамике флористических комплексов, видовому составу высших базидиомицетов, проливают свет на важнейшую биосферную роль этой примечательной территории, подчеркивают ее типичные и уникальные черты, заставляют по-иному оценить ее вклад в сохранении биологического и ландшафтного разнообразия Волжского бассейна.

В связи с этим, достойной памятью В.Н. Сукачева стало бы принятие решения об объявлении Самарской Луки объектом Всемирного природного наследия, что у российских естествоиспытателей находит широкую поддержку и не вызывает сомнения.

Абакумов Е.В., Розенберг Г.С., Саксонов С.В., Сенатор С.А.

Научно-педагогическая деятельность Р.И.АБОЛИНА (1886-1938)

В XIX веке активно развивались биологические исследования на клеточном, организменном и популяционном уровнях (Г. Шванн, М. Шлейден, Ч. Дарвин). В XX веке изучали жизнь уже на биоценоотическом и биогеоценоотическом уровнях (В.Н. Сукачев, Р. Чэпмен, Ч. Элтон и др.). Только в 1920-х годах по официальной версии началось изучение биосферы – высшего уровня организации живого (В.Н. Вернадский). Однако до оформления В.Н.Сукачевым представления о биогеоценозе (1942) шло накопление фактического материала, а главное – осознание того, что растения, животные, грибы, прокариоты, почва и др. являются компонентами сложных биокосных открытых систем, испытывающих воздействие внешних по отношению к ним факторов, в том числе деятельности человека.

Пионером внедрения в географию растений биосферно-биогеоценоотической парадигмы был и наш соотечественник Р.И. Аболин – автор термина эпигенема, обозначающего систему поверхностных (эпигенных) природных комплексов, выстилающих сушу Земли. Еще в 1914 году он разработал одну из наиболее ранних отечественных таксономических систем ландшафтных единиц. В представлении Аболина первичная литогенная поверхность Земли под влиянием экзогенных процессов превратилась в кору выветривания, подразделяющуюся на ряд поверхностных образований – эпигенов, каковыми являются рельеф, грунт, растительность и др. Эпигенема распадается на климатически обусловленные эпизоны; последние в силу геологических различий – на эпиобласти; эпиобласти в зависимости от местных топографических условий расчленяются на эпителипы, примером которых может служить болотный тип. Таким образом, эпигенема – синоним биогеосферы, так же как и слой сгущений жизни, плёнка жизни (В.И. Вернадский), биогеоценоотический покров (В.Н. Сукачев), фитогеосфера (Е.М. Лавренко), витасфера (А.Н. Тюрюканов и В.Д. Александрова).

По сути, Р.И. Аболин первым в геоботанике сформулировал понятия, соответствующие представлениям В.Н. Сукачева о биогеоценозе и Тенсли об экосистеме. Конечно Аболин использовал иные термины, чем впоследствии В.Н. Сукачев: эпиморфа вместо биоценоза, эпигены вместо компоненты биогеоценоза, эпигенема вместо биогеоценоотический покров Земли. Он различал также факторы, воздействующие на эпиморфы (солнце, атмосфера и ее элементы, вода и т.д.). Поэтому понятием, аналогичным понятию эпигенемы, с оговорками может считаться географическая оболочка (ландшафтная оболочка, эпигеосфера) оболочка Земли, в которой соприкасаются и взаимодействуют литосфера, гидросфера, атмосфера и биосфера. К идее географической оболочки, по мнению С.В. Колесника, впервые подошли П.И. Броунов (1910) и Р.И. Аболин (1914). Сам термин географическая оболочка, являющийся предметом изучения физической географии, ввёл и обосновал А.А. Григорьев (1932).

Роберт Иванович Аболин родился 18 мая 1886 года в Рижском уезде Лифляндской губернии в крестьянской семье. Осенью 1906 года Аболин поступил слушателем на только что открывшиеся тогда в Петербурге Каменноостровские сельскохозяйственные курсы, где ассистент Лесного института В.Н. Сукачев вел на курсах практические занятия по ботанике. Летом 1908 года он организовал для студентов 2-го курса экспедицию по изучению лесостепи в Жигулевские горы и в Буздукский бор Самарской губернии. Здесь и решилась судьба Аболина, он задумал стать геоботаником. Весной 1909 года Сукачев привлекает своего ученика к масштабным исследованиям Полистовских болот в Псковской губернии, организованных губернским земством.

Еще будучи студентом, Аболин участвовал в руководстве летней практикой студентов Высших

сельскохозяйственных курсов, и уже тогда проявились его прекрасные педагогические способности.

Полевые сезоны 1911 и 1912 гг. Аболин провел по приглашению Сукачева в экспедициях по Восточной Сибири, организованных Переселенческим управлением. С 1915 года Аболин лично и с учениками активно изучал растительность Центральной Азии, проживая в Алма-Ате. Весной 1920 года он приехал в Ташкент с первым эшелонном вновь организуемого Туркестанского (впоследствии Среднеазиатского) университета и активно участвовал в организации при нем Института почвоведения и геоботаники.

Осенью 1922 года В.Н. Сукачев, в то время заведующий кафедрой экологии и ботанической географии Петроградского сельскохозяйственного института, пригласил своего ученика и друга на должность преподавателя. Здесь Аболин проработал два учебных года.

Летом 1924 года он вернулся в Ташкент, где заведовал геоботаническим отделом Института почвоведения и геоботаники САГУ. В Центральной Азии главными направлениями работ Аболина были геоботанические и почвенные описания, естественно-историческое районирование, вопросы кормовой базы, полезные растения, освоение пустынь. В своих работах, опубликованных в 1929-30 годах, он предложил районирование территории Центральной Азии по тепловым поясам на основании климатических признаков и описал вертикальные ландшафтные пояса («зоны жизни») Семиречья.

Немало сил он отдал и педагогической работе, читая на сельскохозяйственном факультете САГУ курсы экологии растений и ботанической географии. Осенью 1929 года его избирают профессором на кафедре луговедения.

На ботаническом материале Р.И. Аболин развил концепцию Ч. Мерриема (Merriam, 1894, 1898) о «жизненных зонах»: «Накладывая климатические, растительные и почвенные пояса, мы получаем при этом так называемые «зоны жизни», определяющие собой как географические ландшафты, так равно и условия сельского хозяйства каждого данного района» (Аболин, 1930, с. 166).

В 1932 году во Всесоюзном институте растениеводства ВАСХНИЛ Аболин по приглашению Н.И. Вавилова возглавил Бюро освоения пустынь, объединившее научные кадры и развернувшие работы на ряде организованных им опытных станций (Приаральской в Челкаре, Репетекской в Кара-Кумах, Кара-Каменской в Туркмении и др.). С октября 1932 года по май 1937 года Аболин по предложению В.Н. Сукачева был также профессором кафедры геоботаники биолого-почвенного факультета Ленинградского университета. Здесь он читал специальный курс «Степи и пустыни». Тема потребовала от Роберта Ивановича создания совершенно новой программы и новых учебных пособий. По этому предмету активно велась подготовка дипломников и аспирантов. Ученой степени доктора биологических и сельскохозяйственных наук Аболин удостоивается без защиты диссертации, по совокупности трудов, в 1934 году. К этому времени имя профессора Аболина пользуется популярностью и у студентов ЛГУ, и у сотрудников ВИРА.

Общие теоретические вопросы фитогеографии по-разному трактовались в трудах Н.И. Вавилова и В.Н. Сукачева. Роберт Иванович Аболин мог бы стать связующим звеном двух крупнейших научных школ. Однако, 18 декабря 1937 года Аболин был арестован, 17 января 1938 года Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР приговорен по к высшей мере наказания, а 27 января 1938 года расстрелян в Ленинграде.

Замечательные работы Р.И.Аболина, почти полностью воспроизводившие положения, развитые впоследствии В.Н.Сукачевым, были незаслуженно забыты и не оказали почти никакого влияния на формирование биогеоценологии в нашей стране.

Брусенцев А.Е.